

Юрий Манн

Рим Гоголя: авторские чтения повести как факт творческой истории

Gogol's *Rome*: The Author's Readings of the Tale as Part of its Creative Process

The present article is devoted to the public reading of the tale *Rome* done by Gogol' in Rome in March and in December 1839 at some acquaintances' home, and in Moscow in February 1840, on two different occasions. These readings are considered by the author as a part of the text's history. On the basis of letters, memoirs and later writings, the article provides a description of the events, of the comments by the people present at the readings and of the reactions by the literary milieu of the time. The author takes into consideration the role which the *avtorskie chteniia* had for Gogol' himself, who intended them as moments of self-evaluation of the text. The reaction by the audience is taken into account on the basis of their expectations.

1

Как известно, Гоголь неохотно соглашался на чтение своих произведений – тех, которые еще не были закончены и находились в работе. Чтобы такое событие состоялось – а это было действительно событие – , нужны были по крайней мере два обстоятельства. Во-первых, неприсутствие малознакомых или несимпатичных Гоголю людей (бывали случаи, когда по этой причине писатель отказывался от уже намеченного чтения). И во-вторых, наличие глубокой внутренней причины и побуждения.

Таким образом авторские чтения становились неотъемлемой частью творческой истории произведения. Они предшествовали появлению произведения в печати, формировали предварительное представление о нем, создавали род взаимодействия между писателем и читателями еще в процессе творческой работы. Такова была цель почти любого произведения и любого чтения, однако на долю *Рима* выпала особенно важная роль. В этом смысле чтения *Рима* сопоставимы с чтениями *Мертвых душ*, причем подсказываемые поэмой впечатления

и выводы невольно распространялись и на повесть.

Сходство обуславливалось новизной художественной установки и вытекающей отсюда новизной структуры. До сих пор выходы Гоголя за пределы отечественного материала были единичны и читателям практически неизвестны (*Ганц Кюхельgarten* автором уничтожен, *Альфред* не закончен). *Рим* – первое произведение, действие которого проходило в Западной Европе – во Франции и Италии.

Сходство же с *Мертвыми душами* развивалось по другой линии. Жанр, в котором ранее преимущественно работал Гоголь (если оставить в стороне драматические жанры) – повесть. *Мертвые души* – подчеркнуто другой жанр (“Вещь, над которой я тружусь [...] не похожа ни на повесть, ни на роман” – из письма к М.П. Погодину от 28 ноября 1836 г.). Потом произведение было определено автором как “поэма”, сохраняя при этом по отношению к ней чрезвычайную оригинальность: пространственная широта, всероссийский охват (“Вся Русь явится в нем!” – из письма к В.А. Жуковскому от 12 ноября 1836 г.), трехчастное или трехтомное построение, мощное вторжение лирической стихии и т.д.

По-своему оригинален и жанр *Рима*. Характерно, что Гоголь вначале избегал его жанрового определения; впоследствии же, в 1842 г., когда *Рим* вошел в третий том его первого собрания сочинений, он составил вместе с шестью другими произведениями (*Портретом, Невским проспектом, Записками сумасшедшего, Шинелью, Носом и Коляской*) один большой раздел – *Повести*. При этом *Рим* был снабжен подзаголовком *Отрывок*, который давал понять читателю, что перед ним еще не все задуманное и осуществленное (или осуществляемое) автором, что многое еще предстоит увидеть и осмыслить.

Все это обуславливало особую роль авторских чтений *Рима* (а также *Мертвых душ*), приводя читателя к убедительным выводам. Из этих выводов важнейшим был тот, что Гоголь вступил в новый этап своего творчества, стал писателем всемирного значения. “Все, что ни прочел он, есть истинно художественное произведение. [...] Гоголь – великий, гениальный художник, имеющий полное право стоять, как и Пушкин, в кругу первых поэтов, Гете, Шекспира, Шиллера и проч.” – из письма К.С. Аксакова к Г.С. и И.С. Аксаковым от 24-25 ок-

тября 1839 г., «Литературное наследство», т. 58, Москва, 1952, с. 570). Это ощущение крепло от раза к разу, и поэтому целесообразно восстановить в подробностях историю авторских чтений *Рима* и их постепенное воздействие на эстетическое, художественное сознание.

2.

Первое известное авторское чтение произведения имело место в Риме в марте 1839 г., как это явствует из дорожного дневника М.П. Погодина (запись от 10 [марта н. ст.]): “Гог[оль] читал Мадон[н]а degli fiori” (И.А. Виноградов [ред.], *Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. В трех томах*, ИМЛИ РАН, т. II, Москва, 2012, с. 425). Чтение произвело на Погодина сильное впечатление, – о “превосходном отрывке *Рим*” он вспомнил и в записке о пребывании с Гоголем и Шевыревым в Риме в 1839 г. (см. там же, с. 466). Интересно, что повесть фигурирует здесь под одним из своих ранних названий, *Madonna degli Fiori* [ит.], или *Богоматерь Цветов*, – это одно из имен, под которым католическая церковь почитает Богородицу в одноименном храме в городе Бра (о соответствующем варианте названия повести – *Мадонна dei fiore*

[так!] читатель узнал позднее, из помещенного Погодиным анонса готовящейся публикации – см. «Москвитянин», 1841, ч. I, 2, *Смесь, литературные новости*, с. 616).

Следующее известное чтение повести состоялось по приезде Гоголя в Россию, 5 декабря 1839 г., в Петербурге, в доме П.А. Валуева, видного чиновника, камер-юнкера. По свидетельству А.И. Тургенева, были прочитаны глава из *Мертвых душ* и “глава из Италии”, т. е. будущий *Рим* (М. Гиллельсон, *Н.В. Гоголь в дневниках А.И. Тургенева, «Русская литература»*, 1963, II, с. 139). В числе гостей, помимо Тургенева, находились П.А. Плетнев, В.А. Жуковский и, возможно, жена Валуева Мария Петровна – дочь П.А. Вяземского. Характерно, что оба произведения, *Рим* и *Мертвые души*, читались вместе, что называется, в один присест.

Спустя два месяца, 4 февраля 1840 г. Гоголь в Москве познакомил с повестью С.Т. Аксакова, который на другой день поделился с сыновьями нечаянной радостью: “Вчера вечером вдруг упал ко мне, как с неба, – а просто сказать – с званного обеда – Гоголь [...] и прочел первую главу из итальянской повести... Прелесть, очарование!.. Вот что истина!

Вот во что должны были обратиться победители-римляне... Это так! Это те же самые огненные стихии, на которых была основана слава победителей света... А близорукие историки, тупорылые ученые ничего не поняли в этой куче сора, грязи и обломков” («Литературное наследство», указ. изд., с. 584). Произведение Гоголя – и это будет повторяться не раз – воспринимается не только как художественное, но и как историческое, социальное открытие.

С оттенком ревности сообщала о состоявшемся чтении В.С. Аксакова (в письме к М.Г. Карташевской от 14 февраля): “Гоголь недавно у нас читал отрывок из своей итальянской повести, но только мужчинам, а мы не слыхали” (там же. Это письмо, по-видимому, имел в виду С.Т. Аксаков в *Истории моего знакомства с Гоголем* – в кн. *Гоголь в воспоминаниях современников*, Художественная литература, М., 1952, с. 118). Затем, 19 февраля, Гоголь читал повесть в доме И.В. Киреевского. Присутствовавший на чтении Грановский отметил в письме к Я.М. Неверову: “Талант его еще выше стал” (*Т.Н. Грановский и его переписка. В двух томах*, М., т. II, 1897, с. 401). И чуть позже, в письме к Н.В. Станкевичу от 22 февраля:

“Вчера [т.е. 21 февраля] была среда и чтение у Киреевских [...]. Но главное украшение вечера был отрывок из романа, еще не конченного, читанный Гоголем. Чудо. Действие происходит в Риме. Это одно из лучших произведений Гоголя, если только он доведет до конца так же хорошо...” (там же, с. 383-384).

Мы видим, как неуклонно прокладывала дорогу главная мысль – о прогрессирующем даровании Гоголя, об уникальности этого дарования и его мировом значении.

Несколько иную ноту внес в эти голоса А.И. Тургенев, который в тот же день, по приезде из Петербурга, прослушал повесть у Киреевских, (Гиллельсон, указ. соч., с. 139) и сделал критическое замечание в адрес автора: “... я бы не с этой стороны желал видеть и следить римлян и Рим. Конечно, и в этом много истины, но всеми ли истинами должно заниматься эстетическое чувство?” (А.И. Тургенев, *Хроника русского: Дневники (1825-1826)*, Наука, Москва-Ленинград, 1964, с. 493). По-видимому, Тургеневу показался недостаточным преимущественно эстетический аспект изображения римской жизни (об этом аспекте подробнее см. В. Zelinisky, *Russische Romantik*,

Köln-Wien, 1975, s. 392-394). Не вполне отвечал и его в своем роде жесткому восприятию действительности мотив идиллии, ибо “в глазах рассказчика, и в глазах самого автора, Рим – место, где идиллия еще возможна” (Р. Джулиани, *Рим в жизни и творчестве Гоголя, или Потерянный рай*, Новое Литературное Обозрение, М., 2009, с. 126; и далее исследовательница приводит цитату из повести: “Ему [князю] нравилась самая невзрачность улиц темных, неприбранных, отсутствие желтых и светленьких красок на домах, идиллия среди города”).

Однако, если такое предположение о мотивах суждения А.И. Тургенева и верно, то надо иметь еще в виду постоянную связь у Гоголя эстетического аспекта с теологическим и экзистенциальным (об этой связи в повести *Рим* см. L. Amberg, *Kirche, Liturgie und Froemdigkeit im Schaffen von N.V. Gogol*, Bern - Frankfurt am Main - New York - Paris, 1986, s. 134), а также то обстоятельство, что текст произведения был представлен Гоголем как “отрывок”, а это не исключало в будущем любое, в том числе и драматическое развитие событий.

Очевидно, Тургенев не решился высказать свое крити-

ческое замечание Гоголю или смягчил его. Во всяком случае оно резко контрастировало с общим положительным и восторженным восприятием произведения.

Не изменила общую картину и реакция слушателей на литературном вечере у московского генерал-губернатора князя Д.В. Голицына, – здесь чтение *Рима* состоялось 19 февраля 1842 г. Вначале, как свидетельствует С.Т. Аксаков, “чтение почти усыпило половину зрителей; но когда к концу пьесы дело дошло до комических разговоров итальянских женщин между собою и с своими мужьями, все общество точно проснулось и пришло в неопи- санный восторг, который и остался надолго в благодарной памяти слушателей” (*Гоголь в воспоминаниях современников*, указ. изд., с. 144). О благодарном “восторге” напомнил спустя два года и другой участник чтения – С.П. Шевырев в некрологической заметке в связи с кончиной Голицына: “Давно ли, кажется, Гоголь читал у него в кабинете *Рим*? Давно ли мы все сидели тут кругом в живом общении мысли и слова?” («Москвитянин», 1844, 5, отд. *Московская летопись*, с. 161. Изменение реакции публики в процессе чтения подметил и другой его

свидетель М.А. Дмитриев: “Можно себе представить скуку слушателей; но вытерпели и похвалили”, «Литературное наследство», указ. изд., с. 614). Чтение в доме Голицына, между прочим, симптоматично и в аспекте так называемого “горизонта ожидания” (*Erwartungshorizont*) – характерной категории рецептивной эстетики. Часть слушателей (обо всех говорить не приходится) была настроена на восприятие комической стихии гоголевского таланта, и его патетические, философские элементы ощущались как нарушение “горизонта ожидания”, которое было восстановлено, полностью вошло в свои права в карнавальных сценах перебранки римлянок, появления “самого Пеппе” в виде “огромного запачканного носа”, нависшего “как большой топор” и т.д. Как это часто бывает в таких случаях, узнавание привычного, знакомого восстанавливало чувство удовлетворения и спокойствия. Но все же утверждение авторитетного исследователя, будто бы “в литературных кругах Москвы он [автор *Рима*] нашел холодный прием” (С. Шамбинаго, *Трилогия романтизма. Н.В. Гоголь*, М., 1911, с. 128) – явное преувеличение. Резкие критические ноты (В.Г.

Белинский: “[...] косые взгляды на Париж и близорукие взгляды на Рим”; И.И. Лажечников: “[...] думал я, что это по-смертному произведение Марлинского”) прозвучат позднее, по выходе повести из печати – тема, которая находится за пределами настоящих заметок.

3

Как и в других случаях (ярче всего это проявилось в судьбе первого тома *Мертвых душ*, а позднее – и второго тома), авторские чтения *Рима* служили Гоголю целям своего рода апробации и проверки завершенности текста и тем самым открывали путь к публикации. При этом приходилось считаться с тем, что у слушателей возникали и опасения внешнего, то есть цензурного, характера.

“Гоголь бодр и весел, – сообщал С.Т. Аксаков Ивану Сергеевичу 1 февраля 1842 г. – По секрету скажу тебе, что он пишет много всякий день и, кажется, собой доволен. Едва ли он не пишет повесть в «Москвитянин». Боюсь, что варварская алжирская здешняя цензура ее не пропустит. Молодые профессора, образовавшиеся в чужих краях, хуже стариков, не выезжавших из Москвы” («Литературное наследство», указ. изд., с. 612;

как отметил публикатор этого письма Л. Ланской, речь шла о профессоре и цензоре Н.И. Крылове, чья позиция по отношению к рукописи *Мертвых душ* в целом была сложнее (см. об этом Ю.В. Манн, *Гоголь. Книга вторая. На вершине: 1835-1845*, РГГУ, М., 2012, с. 310-311) и вызывала различные толки: “По всей видимости, фигура Крылова неоднократно возникала в разговорах Гоголя и его ближайших московских знакомых в конце 1841 – начала 1842 г.» (А.С. Бодрова “...*Поправки были важные...*”: *К истории текста повести Н.В. Гоголя Рим*, в кн. *Гоголь: Материалы и исследования*, ИМЛИ РАН, вып. 2, Москва, 2009, с. 18).

Упоминание же “алжирской здешней цензуры” возникло в связи с осуществленной в свое время цензурной или подцензурной правкой заключительной фразы *Записок сумасшедшего*, а именно замена “французского короля” “алжирским деем” – “А знаете ли что? – у алжирского дея под самым носом шишка!” (см. П.Н. Берков, *Об одной мнимой опечатке у Гоголя. К истории текста Записок сумасшедшего*, в кн. *Гоголь. Статьи и материалы*, Изд.во Ленингр. Ун-та, Л., 1954, с. 356-361).

И все же мысль о приближающейся публикации *Рима* определяет настроение и его слушателей, и автора. “Гоголь читал нам одно свое сочинение, чудное, как и все, что он ни пишет. – сообщала В.С. Аксакова М.Г. Карташевской в двадцатых числах февраля 1842 г. – Я не буду тебе давать отчета в том, что мы слышали, ты сама прочтешь это в «Москвитянине» [...] Это нельзя назвать повестью, но это отрывок из одной повести, которую он хотел написать и еще напишет, может быть, со временем” («Литературное наследство», указ. изд., с. 616). Чувство радости испытывает и редактор «Москвитянина» Погодин, принимая своего рода поздравления: «Слава тебе! Чудо, чудо! – пишет ему С.П. Шевырев 25 февраля. – Как я рад этому приобретению! Это придаст мне еще сил к работе. Дай тебе Бог выручить все это!» (там же). Из других записок Шевырева к Погодину видно, что он советовал автору внести некоторые стилистические поправки: “Гоголя чудная вещь, я ее перечитал с большим удовольствием. Но надобно ему кое-где уделать слог и особенно устроить два периода, мною замеченные” (там же).

Вскоре по выходе произведения из печати (цензурное разрешение третьего номера «Москвитянина» с текстом повести – 11 марта) состоялось еще одно известное его коллективное чтение. 19 июля 1842 г. В.С. Аксакова сообщила М.Г. Карташевской: “Вчера отесенька [С.Т. Аксаков] нам опять перечел *Рим*, уже в 4-й раз, и с каждым разом все глубже и лучше кажется нам это произведение” (цит. по И.А. Виноградов, указ. изд., с. 826).

На этот раз чтение проходило без автора и не по рукописи, а по журнальной публикации. Начался новый, так сказать, публичный этап жизни повести, по отношению к которому

прежние, авторские чтения сыграли роль своеобразного пролога. Но пролога весьма плодотворного, содействовавшего осознанию мирового масштаба гоголевского таланта, новизны и необычайной оригинальности его художественной природы. Не всегда, в соответствии с эстетическим законом *Erwartungshorizont*, эта оригинальность понималась и принималась слушателями, но сама борьба и преодоление ‘горизонта’ были плодотворными и чреватými будущими открытиями.

Библиография

Аксаков; Аксаков 1952: Г. Аксаков; И. Аксаков, Неизданные письма к Гоголю, «Литературное наследство», т. 58, М., 1952, с. 531-772.

Берков 1954: П. Берков, *Об одной мнимой опечатке у Гоголя. К истории текста* Записок сумасшедшего // М. Алексеев (отв. ред.) *Гоголь. Статьи и материалы*, Изд. во Ленингр. Ун-та, Л., 1954, с. 356-361).

Бодрова 2009: А. Бодрова, “...Поправки были важные...”: *К истории текста повести Н.В. Гоголя Рим* // *Н.В. Гоголь: Материалы и исследования*, ИМЛИ РАН, вып. 2, М., 2009, с. 7-40.

Виноградов 2012: И. Виноградов (под ред.), *Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. В трех томах*, ИМЛИ РАН, т. II, М., 2012.

Гиллельсон 1963: М. Гиллельсон, *Н.В. Гоголь в дневниках А.И. Тургенева*, «Русская литература», 1963, II, с. 138–143.

Джулиани 2009: Р. Джулиани, *Рим в жизни и творчестве Гоголя, или Потерянный рай*, Новое Литературное Обозрение, М., 2009.

Манн 2012: Ю. Манн, *Гоголь. Книга вторая. На вершине: 1835-1845*, РГГУ, М., 2012.

Машинский 1952: С. Машинский (под ред.), *Гоголь в воспоминаниях современников*, Художественная литература, М., 1952.

Станкевич 1897: А. Станкевич, *Т.Н. Грановский и его переписка. В двух томах*, Типография А. И. Мамонтова, т. II, М., 1897.

Тургенев 1964: А. Тургенев, *Хроника русского: Дневники (1825-1826)*, Наука, М.–Л., 1964.

Шамбинаго 1911: С. Шамбинаго, *Трилогия романтизма. Н.В. Гоголь*, Pol'za, [М.], 1911.

Amberg 1986: L., Amberg, *Kirche, Liturgie und Froemigkeit im Schaffen von N.V. Gogol'*, Peter Lang, Bern - Frankfurt am Main - New York - Paris, 1986.

Zelinsky 1975: B. Zelinsky, *Russische Romantik*, Böhlau, Köln-Wien, 1975.